

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

**Пронин М.А. ВИРТУАЛИСТИКА В ИНСТИТУТЕ
ЧЕЛОВЕКА РАН. М.: ИФРАН, 2015. 179 с.**

Книга, о которой я пишу, соединяет в себе сразу несколько жанров. Это и историко-научное исследование, и интеллектуальная автобиография, и своеобразный отчет о проделанной работе, представленный в виде кейсов, и попытка философского осмысления места и роли виртуалистики в пространстве современной философии. Рассказ о научном предприятии, активным участником которого был автор, тут и там сменяется изложением результатов, полученных в процессе изучения различных проявлений виртуального. Все, все представленное можно было бы назвать включенным наблюдением — ровно так именуется метод, разработанный и активно применяемый в современной социологии. Но ограничиться столь узкоспециальным определением жанра было бы непостижимой ошибкой. Дело здесь в том, что автор — философ, и все его только что высказанные мысли незамедлительно подвергаются философской рефлексии, в процессе которой активно смешиваются радикальное сомнение и феноменологическая редукция, неэссенциалистские прозрения и постмодернистская ирония.

С первых же страниц книги становится ясно, что интеллектуальная биография автора неотде-

лима от историко-научного описания жизни всего научного коллектива и незримо присутствующего его основателя Николая Александровича Носова (1952–2002), ученого, инициировавшего и возглавлявшего научный проект “Виртуалистика”, ушедшего в самом расцвете творческих и жизненных сил. Дальнейшее повествование лишь подтверждает данную мысль, а также показывает органическую связь данного проекта с более глобальным предприятием в истории отечественных философских наук. Речь идет об Институте человека РАН, в рамках которого и появилась на свет группа “Виртуалистики”, с самого начала заявившая нетривиальную исследовательскую программу. А также об основателе Института человека академике Иване Тимофеевиче Фролове (1929–1999), который по праву может считаться вдохновителем проекта Н.А. Носова.

М.А. Пронин как будто подводит промежуточные итоги, повествуя о том непростом пути, который научный коллектив прошел удивительно последовательно и достойно. Переиздание трудов И.Т. Фролова, чтения его имени, докторская С.Н. Корсакова о нем, да и сам журнал “Человек”, возглавляемый член-корреспондентом РАН Б.Г. Юдиным — вот лишь

некоторые, но весьма важные результаты, свидетельствующие о реальном движении вперед сообщества исследователей, объединенных идеей “Института человека”.

“Виртуалистика”, как проект нового подхода, который извне воспринимается скорее как новая область знания, даже сегодня выглядит чрезвычайно смелым. А в момент его провозглашения многим он мог показаться некой интеллектуальной авантюрой. Ведь речь шла о действительно радикальных инновациях, предполагающих не только модернизацию концептуального аппарата, но и новую онтологию, а также новую эпистемологию и даже новую антропологию. Чего стоит одно лишь постулирование аретей — особой области для “практической работы с виртуальными объектами” (с. 11). М.А. Пронин подчеркивает особое онтологическое устройство аретей — “расслоение” реальности осуществляется виртуальными по инструментально-прагматическим соображениям, диктующим необходимость такой гетерогенности. Отрадно, что уже с первых страниц книги автор проявляет заботу о верифицируемости и фальсифицируемости тех конструкций и моделей, которые выстраиваются на базе введенной им аксиоматики. И хотя большинство из аксиом предлагаемой системы не относятся к разряду очевидностей, такое конструктивистское понимание аксиоматики вполне соответствует принципам постнеклассики, верность которым декларируется М.А. Прониным на протяжении всего повествования.

Одна из отличительных особенностей рассматриваемой книги — соединение утверждений предельно фундаментального и теоретического порядка с анализом и разбором рутинных социальных практик. Выявление и манифестация онтологических допущений сразу же включается

в обсуждение кейсов, рожденных самой жизнью и связанных с работой врача, психолога, управленца. Заявления о природе реальности оказываются в одном смысловом пространстве с описаниями повседневного опыта, который не столько подтверждает или опровергает эти заявления, сколько наполняет их смыслом. Подобная встреча теории и практики в традиционных схемах научного исследования должна быть обусловлена огромным числом опосредований, тогда как осуществляемый в книге поиск прямых контактов между теоретическими интуициями и повседневными действиями рождает удивительные эффекты присутствия философии в жизненном мире человека. Э. Гуссерль считал жизненный мир дотеоретическим образованием, что несомненно верно, но лишь при условии мысленной реконструкции его исходного состояния. Исследования виртуалистов как раз и дают нам пример присутствия теоретического знания в символических универсумах жизненного мира и, что особенно важно, проясняют его посттеоретическую судьбу.

Кейсы позволяют не только узнать, чем именно занимается виртуалистика, но и понять, как именно происходит поиск объектов для исследования средствами виртуалистики, каковы методы виртуалистического поиска и какими могут быть результаты виртуалистической терапии. Почерк виртуалиста легко отличим и от обычной психологической аналитики, и от пресловутого психоанализа. Вовлекаемая в оборот виртуальная/виртуалистическая онтология позволяет разобрать случай мальчика, больного ночным недержанием мочи. Исходное описание названо феноменологическим, хотя это и не феноменология в привычном смысле слова. Просто автор разделяет три вида описания: феноменологическое, медико-психологическое, теоретичес-

В. Пржиленский
Пронин М.А.
Виртуалистика
в Институте
человека РАН

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

кое (с.70–76). Феноменологическим здесь считается описание, сделанное с точки зрения здравого смысла и обыденного жизненного опыта, но для виртуалистического объяснения, даваемого в конце разбора кейса, активно привлекаются средства и методы, которые могут быть охарактеризованы как собственно феноменологические. Вначале автора интересуют такие “индикаторы” анализа, как сущность, смысл, реальность, удвоение реальности и сопутствующая ее виртуализация, а затем он переходит к анализу сознания (с. 81–82).

Переход от сознания к самосознанию всегда легок и незаметен. Так, в разбираемых далее кейсах появляется тема выбора профессии, сформулированная как “феноменология профессиональной самоидентификации”. Задаваясь вопросом, как становятся врачами, артистами и иными профессионалами (виртуозами), автор незаметно переводит проблему из сферы психологии в плоскость индивидуального бытия и глубинных слоев человеческой экзистенции. Попытка артикулировать опыт собственной мысли в терминах внутренней виртуалистики приводит автора к проблеме “оживления” навыков и умений, которыми неявно обладают его персонажи, и обеспечения необходимых условий. Однако далее приводятся случаи депрофессионализации, “умирания” виртуоза, что окончательно закрепляет за полученными М.А. Прониним результатами статус антропологического знания. Если Хайдеггер рассматривал понимание как модус бытия, то М.А. Пронин наделяет рефлексию свойствами “производительной силы”: блокируемая рефлексия, аномия самоидентификации и иные эффекты сбоя бытийной рефлексии оцениваются и препарируются автором в контексте виртуальной онтологии, которая

может как удваивать, так и утраивать реальность.

Все профессиональные практики, рассматриваемые автором данной книги, прочно закрепились в массовом сознании и даже в сознании интеллектуалов как предельно инструментальные, рационализированные и предельно “расколдованные”. Разве можно всерьез рассуждать о внутренней рефлексии управленца или об экзистенции консультанта, когда даже разговоры о моральной ответственности менеджера и администратора большинством воспринимаются как ритуальные и ни к чему никого не обязывающие? Но М.А. Пронин это делает и разбирает “аретею аномии самоидентификации”, пытаясь найти иные причины данного явления, нежели психологический сбой или внутренний кризис личности, как об этом написали бы “обычные” психологи. И пусть не все приводимые в тексте монографии термины прозрачны и удачно встроены в ассоциативные ряды всех остальных исследователей. Чего стоит одна лишь фундаментальная оппозиция “виртуальное — константное”, да и сама игра с понятием виртуального происходит совсем не по тем правилам, которые выработаны в философии кибернетики.

Ориентация на четкие определения понятий сближает виртуалистов с теми, кто проводит психологические исследования в рамках когнитивного подхода. Влияние когнитивистской установки заключается и в готовности оперировать гетерогенными целостностями — фреймами, сценариями, здесь особенно интересна технология выделения аретеи. Здесь нет экзистенциалов, обращения к открытости бытия или разомкнутости личности. Но здесь есть те самые гуссерлианские скобки, за которые должны быть вынесены все объяснительные схемы, доставшиеся в наследство

не только от традиционной психологии, но и от теоретической философии в целом. Хотя можно обнаружить удивительное сходство виртуальной реальности с физическим миром Аристотеля, в котором, в отличие от мира математических сущностей (физического мира Г. Галилея) все зыбко, переменчиво и в то же время не менее рационально, чем в мире идеальном. Отсюда и обращение к эссенциалистской онтологии, позволяющее М.А. Пронину утверждать, что «виртуалистика имеет дело с автономными реальностями, то есть предполагает существование множества разнородных, не сводимых друг к другу «природ», миров; в виртуалистике недопустим редукционизм — сведение одной реальности к другой реальности: ни более низкой, ни более высокой» (с. 141).

Можно вспомнить идею М.Я. Эпштейна, согласно которой развитие философии происходит путем появления на свет проектов

новых наук, в том числе и успешных проектов. Насколько успешным окажется проект, описанный М.А. Прониным, разумеется, покажет время. В своей историко-ретроспективной части книги он по шагам восстановил движение виртуалистической мысли, демонстрируя читателю, как шаг за шагом шло отделение виртуалистики от обычной экспериментальной психологии, как преодолевался зазор между психологией сложных явлений и психологией явлений простых. Эта книга, несмотря на весь свой биографически/автобиографический характер и историко-научный контент, в значительной степени манифестирует мысли автора о будущем всего представленного проекта, именуемого виртуалистикой. Остается лишь пожелать дальнейших успехов как М.А. Пронину, так и всему научному коллективу.

© 2016 В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ,
доктор философских наук

В. Пржиленский
Пронин М.А.
Виртуалистика
в Институте
человека РАН

НОВЫЕ КНИГИ

- Фритц Р. Путь наименьшего сопротивления: Как открыть в себе творч. личность / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 288 с.*
Ходжес Э. Вселенная Алана Тьюринга / Пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 415 с.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности / Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2014. 607 с.: ил.
Шатин Ю.В. Русская литература в зеркале семиотики. М: Языки славян. культуры, 2015. 334 с.
Шафер Д., Карлинс М. Включаем обаяние по методике спецслужб / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 336 с.
Шейнов В.П. Юмор как способ влияния. СПб.: Питер, 2015. 240 с.
Эпштейн М.Н. Ирония идеала: Парадоксы русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 384 с.
Ялом И. Проблема Спинозы / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Эксмо, 2015. 512 с.